

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-41-65
EDN: AXSXOI

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАБАРДЫ (XVI–XVIII вв.)

Юзанна Мартиновна Азикова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, i.azikova@kbsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8901-8861>

Аннотация. В работе анализируются пути реконструкции и концептуализации традиционной организации общества и власти Кабарды XVI–XVIII вв. Исследуются особенности представления в обобщающих трудах стадийно-типологических характеристик традиционного общества кабардинцев в комплексе социо-пространственных, социально-экономических и потестарно-политических условий развития. В качестве ключевых проблем, находящихся в фокусе исследовательского внимания, выделяются демографический, территориальный и хозяйственно-экономический факторы общественно-политического развития. Отмечается в целом противоречивость характеристики общественного строя средневековых северокавказских обществ в историографии, представленной в сводной картине истории «горского феодализма». Обнаруживается тенденция сведения анализа социальной организации кабардинцев к проблематике «особенностей» и «уровня» развития «кабардинского феодализма». В качестве трудно решаемой задачи акцентируется потестарно-политическая идентификация Кабарды XVI–XVIII вв. с точки зрения организационно-управленческих форм институционализации власти. Вместе с тем обращается внимание на развитие плодотворных традиций отечественной и зарубежной историографии, связанных с изучением ранних форм государственности и институциональных альтернатив и аналогов государству. Удачные трактовки общественной организации традиционного кабардинского общества и формы институционализации власти связываются с современными политантропологическими концепциями, в рамках которых дается оценка уровня развития рассматриваемых традиционных и архаичных общностей в процессе исследования степени сложности идеологической, экономической, социальной, демографической, территориальной составляющих.

Ключевые слова: Кабарда XVI–XVIII вв.; территориальные рамки; численность населения; социальная дифференциация; хозяйственно-экономическое развитие; общественный строй; феодализм; система власти; институционализация власти; уровень сложности.

Для цитирования: Азикова Ю.М. Проблемы концептуализации традиционной общественной организации Кабарды (XVI–XVIII вв.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 41-65. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-41-65. EDN: AXSXOI.

© Азикова Ю.М., 2022

Original article

THE CONCEPTUALIZATION PROBLEMS OF TRADITIONAL SOCIAL ORDER IN KABARDA (XVI–XVIII centuries)

Yuzanna M. Azikova

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchick, Russia, i.azikova@kbsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8901-8861>

Abstract. This paper analyzes the ways of reconstruction and conceptualization of the traditional organization of society and power of Kabarda in the 16th–18th centuries. This work studies features of the presentation in the generalizing works of the stage-typological characteristics of the traditional society of Kabardians in the complex of socio-spatial, socio-economic and potestary-political conditions of development. Demographic, territorial and economic factors of social and political development are emphasized as key problems, being the focus of the research attention. The inconsistency of the characteristics of the social system of medieval North Caucasian societies in historiography, presented in a summary picture of the history of “mountain feudalism”, is noted. There is a tendency to reduce the analysis of the social organization of Kabardians to the problems of “features” and “level” of development of “Kabardian feudalism”. Potestary-political identification of Kabarda in the 16th–18th centuries in the sense of organizational and governance forms of institutionalization of power is emphasized as a problem that is difficult to solve. Also, attention is drawn to the development of fruitful traditions of domestic and foreign historiography associated with the study of ancient forms of statehood and institutional alternatives and analogues to the state. Successful interpretations of the social organization of traditional Kabardian society and forms of institutionalization of power are associated with modern political anthropological concepts, within which an assessment is made of the level of development of the considered traditional and archaic communities in studying complexity of the ideological, economic, social, demographic, and territorial components.

Keywords: Kabarda XVI–XVIII centuries; territorial limits; population; social differentiation; economic development; social order; feudalism; power system; institutionalization of power; difficulty level.

For citation: Azikova Yu.M. The conceptualization problems of traditional social order in Kabarda (XVI–XVIII centuries). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 3. – С. 41-65. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-41-65. EDN: AXSXOI.

© Azikova Yu.M., 2022

Изучение общественного строя традиционного кабардинского общества в XVI–XVIII вв. сопряжено с системным представлением исторического процесса в политических, социально-экономических и культурно-идеологических измерениях. По большинству из указанных аспектов на протяжении очень длительного исторического времени, охватывающему целый ряд периодов, не прослеживается «прогрессивная» историческая динамика, ведущая к качественным переменам стадийного порядка. При этом соотношение социально-территориальной и территориально-политической организации Кабарды всегда было сложным и на протяжении большей части истории динамичным и неустойчивым. Вместе с тем уровень развития общественного строя традиционного кабардинского общества оценивается с учетом демографической и территориальной масштабности, социально-экономической и политической сложности.

Кабарда как социо-пространственное образование: проблемы реконструкции

С конца XIV – начала XV в. кабардинцы образуют восточную группу адыгов. Значительная подвижность их поселений нередко существенно и в короткие сроки изменяла область их расселения. В первой пол. XVI в. кабардинцы занимают районы Пятигорья и другие земли на запад от среднего течения Терека. С конца XVI в. они появляются на правом берегу Терека и занимают выходы

из осетинских и ингушских ущелий. В XVII в. Кабарда включала две крупные области – Большую Кабарду (от Малки до Уруха) и Малую (от Уруха до Среднего Терека и правому берегу Терека) [История народов... 1988: 277]. Помимо этого, часть адыгов-кабардинцев к XVIII в. освоили земли по р. Сунже, на Кумыкской равнине. В источниках иллюстрируется ситуация перманентных передвижений кабардинских поселений.

На рубеже XVII–XVIII вв. Большую Кабарду образовывали Жамболатов, Атажукин и Мисостов княжеские уделы [Налоева 1972: 72]. Малая Кабарда включала княжеские уделы Гилахстаней (Мударовы и Ахловы кабаки от Сунжи до Курпа) и Толостаней (кабаки Тау-Султана от Лескена до Курпа). Толостаней также известна как Шолохова Кабарда – Средняя Кабарда [Бесланев 1993: 22].

С точки зрения В.Х. Кажарова, для советского исторического адыговедения было характерно сознательное сужение территории Кабарды в XVI–XVIII вв. в оправдание колониальной политики России, аннексировавшей значительную часть территории Кабарды под видом освоения «никому не принадлежащих земель». В.Х. Кажаров отмечал, что для выявления реальной динамики этнической и политической карты феодальной Кабарды следует учитывать специфику внутренних миграций. Также важно понимать, что политические границы Кабарды, помимо этнической территории и собственно кабардинских поселений, охватывали и пространство отдаленных хозяйственных угодий [Кажаров 2014: 570]. «Границы феодальных владений были твердо фиксированы, и обычное право строго регламентировало процессы переселения», заключил В.Х. Кажаров. Тем не менее определенности в вопросе о точных границах Кабарды и единообразия их описания в источниках не наблюдается. И проблема заключается не только в субъективности очерчивания границ в имеющихся источниках, но и в объективной подвижности территориальных рамок кабардинской политики. Исторический процесс образования восточноадыгской территориально-политической единицы являет собой историю постепенных миграций и освоения новых земель. Следует ли утверждать, что миграционные процессы, имея в виду внешнюю миграцию, прекращаются непременно к началу XVI в. и границы Кабарды «замораживаются» на три столетия? Вероятно, изменения границ происходили как в сторону расширения, так и сужения на отдельных направлениях. Образование Кабарды, как отдельной территориально-политической единицы, сопряжено с фиксированием ее границ. Вместе с тем важно учитывать исторический контекст существования традиционного кабардинского общества в XVI–XVIII вв. Границы защищались с помощью силы, а не прочными договоренностями и международным правом. В отличие от зрелых государств нового и новейшего времени, границы северокавказских политий XVI–XVIII вв. не были четкими, определенными и неизменными.

Определение территориальных рамок Кабарды XVI–XVIII вв. связано с проблемами соотношения этносоциальной структуры и потестарно-политической организации территорий Центрального Кавказа и взаимосвязи этнического и территориально-политического в истории Кабарды. В.Х. Кажаров решал данные проблемы посредством выявления особенностей политической системы кабардинского феодального общества и определения его

государственного устройства. Он пришел к заключению, что «Кабарда по своему государственному устройству являлась малой феодальной империей, объединявшей различные этносоциальные и политические организмы под властью одного княжеского дома Иналовичей» [Боров и др. 1999: 10].

Вместе с тем концепт Кабарды как «малой феодальной империи» вызывает определенные вопросы. Во-первых, они связаны с соответствием предлагаемой конструкции известным характеристикам империи. Классические средневековые империи отличал верховный сюзеренитет определенного субъекта власти. Когда же мы говорим о Кабарде как «малой феодальной империи», чрезвычайно трудно или зачастую невозможно определить этот верховный субъект власти. Кабарда в целом характеризовалась полицентризмом и множественностью и многоуровневостью связей с иноэтничным окружением в пределах Центрального Кавказа. Не поддается четкому конструированию система социопрограммных связей центра и периферии. Очевидно, что на материале Кабарды мы не наблюдаем централизованную государственную структуру. «Кабардинский этнический социум» [Боров и др. 1999: 10–11], но не какие-либо государственные институты, являлся центром «империи».

Во-вторых, предлагаемый концепт ставит во главу угла этническое измерение отношений господства и подчинения в феодальной «империи». Но феодальные отношения «надэтничны» по определению. Средневековые империи вообще являлись специфическим явлением универсалистского характера. Правители этих империй имели претензию на абсолютное верховенство, когда над ними не стоял никто выше. Они заключали в себе идею преемственности с великими империями (например, Римской) и идею создания собственного единого мира с особой культурной и цивилизационной спецификой. С другой стороны, неправомерно применительно к рассматриваемой эпохе выделять «народ» как субъект политических отношений. Сомнительна тождественность «этносоциальных и политических организмов» Центрального Кавказа и «народов» в современном понимании этого слова. Очевидна невозможность отождествления «государственного устройства Кабарды» как со структурой кочевых империй, так и со структурой колониальных империй. Несоответствие такого рода интерпретаций исторической реальности Центрального Кавказа и искусственность подобных аналогий очевидна и не требует излишних пояснений.

Таким образом, границы Кабарды на протяжении XVI–XVIII вв. не были неизменными. Дискуссионными остаются и вопросы идентификации формата взаимоотношений кабардинских князей с представителями соседних этнических групп. Вместе с тем в источниках отмечается существование особой территориально-политической единицы под названием «Кабарда». Ее территория зачастую имела «плавающие» границы. Но в каждый определенный исторический период эти границы были общеизвестными, и сила кабардинских князей не позволяла представителям соседних этнических групп самостоятельно и свободно нарушать их.

Вопрос о численности населения решается в привязке к определенной территории. Для оценки уровня общественного устройства важен социально-демографический формат, т.е. плотность и особенности распределения населе-

ния на данной территории, пределы демографического давления на нее, определяемые экологическими условиями и хозяйственно-культурным типом. Объективное состояние источников и сравнительная узость исследовательской базы вынуждают ограничиться здесь самыми общими либо фрагментарными суждениями и оценками.

Кабарда в рассматриваемое время была раздроблена. Наиболее крупным в Большой Кабарде было владение Алегукиных. В «Алегукину Кабарду» входило 50 селений. В них проживали уорки числом 1 тыс. человек и простонародье численностью 2 тыс. с лишним человек. Согласно ландкарте 1744 г. и комментариям к ней 1753 г., именно в Большой Кабарде располагались большинство поселений – 75 деревень и 8 укрепленных дворов. В Малой Кабарды – 45 деревень и 2 двора [Кабардино-русские... 1957: 114–116, 194–196]. Анализ материалов по составу семей, числу и размеру поселений, численности воинского контингента, позволяет исследователям определять численность населения Кабарды на протяжении XVIII в. в 350–450 тыс. человек [Дзамихов 2001: 75–76], 260–350 тыс. человек [Гугов 1999: 50–51]. По иным оценкам, на исходе XVIII в. кабардинцев насчитывалось около 120 тыс. чел. [Кабузан 1996: 145; Кожев 1998: 119].

В 1809 г. пристав Кабарды генерала И.П. Дельпоццо писал, что по сравнению с концом XVIII в. численность кабардинцев «сократилось более чем в 10 раз». Авторы первой половины XIX в. приводили свои цифры относительно численности кабардинцев. Так Хан-Гирей писал о 42 тыс., К.Ф. Сталь – о 45 тыс., Кох – о 43 тыс. человек [Гарданов 1967: 42]. Анализ приведенных данных с учетом замечания Дельпоццо позволяет предполагать соответствие историческим реалиям иллюстрируемой исследователями картины сокращения населения с нескольких сотен тысяч до нескольких десятков тысяч человек.

Как видно, диапазон мнений в исследовательском сообществе относительно численности кабардинцев достаточно широкий. Вместе с тем демографическая масштабность традиционного кабардинского общества на протяжении XVI–XVIII в. оценивается учеными как достаточная для формирования сложного стратифицированного общества. Традиционное кабардинское общество было глубоко стратифицированным и иерархизированным. Кабардинские князья возглавляли сословно-иерархическую структуру общества. Первостепенные дворяне – «тлекотлеши» и «дыжиниго» являлись вассалами князей. Они, как и князья, владели землей на вотчинном праве [Думанов 1990: 134; Калмыков 2007: 14]. Наиболее многочисленными дворянскими сословиями были служилые дворяне. Княжеские служилые дворяне, получившие название беслан-уорков в честь кабардинского князя Беслана Жанхотова, составляли главную военную опору его власти. Беслан-уорки – категория «потомственных незнатных дворян, находившихся в прямой вассальной зависимости от князей» [Кажаров 1994: 187]. Уорк-шаотлугусы служили тлекотлешам и дыжиниго [Думанов 1990: 140–141]. Кроме того, князья набирали из числа зависимых крестьян вооруженную стражу – пшикеу, исполнявшие при князе функции полицейских и судебных исполнителей [Кажаров 1994: 187].

Все дворяне-уорки княжеского владения несли вассальную службу. Они обязаны были появляться перед князем при первом его зове, готовые к выполнению вассальных обязанностей. Более того, если требовала ситуация, дворяне должны были приводить с собой на помощь князю и своих подданных [Гарданов 1967: 165]. Согласно свидетельствам источников, сеньориально-вассальные связи скреплялись «орктин» – дворянским подарком, который передавался уоркам-вассалам от пши-сюзеренов. Дворянский подарок мог включать и земельные пожалования. Землей в уделе распоряжался в первую очередь старший пши фамилии, а остальные – младшие пши фамилии «должны жить при том их большем брате и содержание свое получать от него, и для того быть у него в послушании» [Кабардино-русские... 2007: 231].

Основную массу населения Кабарды составляло зависимое крестьянство (тлхукотли, азаты, оги, лагунапыты, унауы). В системе отношений управители/управляемые все крестьяне относились к категории «управляемые» и в целом являлись «единственными производителями материальных благ» [Гарданов 1967: 195] в традиционном кабардинском обществе.

Демографический фактор общественно-политического развития, таким образом, столь же амбивалентен, как и фактор территориальный. Оценка его значимости для Кабарды опосредована анализом хозяйственных основ существования общества.

Хозяйственные основы и природа социальной организации

В XVI–XVIII вв. сельское хозяйство на Северном Кавказе развивалось на основе традиционного разделения труда. Земледелие в Кабарде являлось довольно экстенсивным и играло второстепенную роль в хозяйстве по сравнению со скотоводством. Кабардинцы практиковали переложно-залежную систему полеводства, что способствовало частой смене пахотных земельных участков. Это обстоятельство отразилось в распространенной их характеристике в качестве кочевого или по меньшей мере полукочевого народа. В Кабарде не было городов с торгово-ремесленным населением. В крестьянской среде развивалась домашняя промышленность, удовлетворявшая нужды самих крестьян и феодалов. Были специализированы добыча металлов, металлообработка и оружейное дело [История КБ АССР... 1967: 102].

Тенденции и результаты хозяйственно-экономического развития традиционного кабардинского общества характеризуются следующими моментами: во-первых, хозяйственно-экономическая система традиционного кабардинского общества качественно не изменялась. Исследования на эту тему не позволяют говорить о прогрессивной динамике. Зачастую наблюдается регресс, спровоцированный катастрофическими внешними воздействиями; во-вторых, ведущей отраслью хозяйства являлось скотоводство, а не земледелие; в-третьих, существовали механизмы «изъятия» производимого прибавочного продукта в достаточном объеме для содержания правителей-князей, дворян и определенного управленческого аппарата. Несмотря на то что в развитии хозяйства не наблюдалось прогрессивных тенденций и прорыва в увеличении объемов производства и производительности труда, традиционное кабардинское общество было

глубоко стратифицированным, а иерархические связи в среде благородных сословий описываются в рамках концепции феодализма.

Характеристика общественного строя средневековых северокавказских обществ в советской историографии была отмечена определенными противоречиями. Показательна сводная картина истории «горского феодализма», представленная в итоговом для советской историографии обобщающем труде [История народов... 1988: 109, 132, 144, 170, 231–233, 283, 387, 397].

С одной стороны, развитие процессов феодализации фиксировалось на весьма ранних этапах средневековой эпохи. С другой стороны, процесс становления феодальных отношений на Северном Кавказе в целом, а не только в его горных районах, оказывался невероятно растянутым. Развитие феодализма в XVI–XVII вв. сопровождалось децентрализацией политической власти владельцев, ростом фамильной собственности феодалов и феодальной раздробленностью. Для XVIII в., отмечалась неравномерность развития социального строя народов Северного Кавказа. Причем применительно к развитию Кабарды в XVIII в. признавался достаточно высокий уровень развития феодальных отношений.

В целом советская историография с неизбежностью сводила анализ социальной организации народов Северного Кавказа к проблематике «особенностей» и «уровня» развития феодализма в регионе в целом и в рамках отдельных этносоциальных организмов.

В первом случае отмечались медленные темпы процесса феодализации, устойчивость сельской территориальной общины и патриархально-родовых отношений. Наблюдалось сохранение укрепления общины (преобразование в союзы общин). Отмечалась неравномерность развития феодальных отношений как по всему Северному Кавказу, так и в рамках отдельных этнических общностей. Рабство носило патриархальный характер и внедрялось не во все сферы производства. На Северном Кавказе не было крупных феодальных хозяйств и, соответственно, отсутствовала барщина. Следствием этого являлось отсутствие жестких форм внеэкономического принуждения. Замедленность темпов развития феодальных отношений связывалась с нашествием татаро-монголов, Тимура и др. завоевателей.

Во втором случае указывалось, что феодальные отношения на Северном Кавказе вызревали внутри родоплеменных отношений и маскировались родовыми и общинными учреждениями и институтами. Подобные отношения идентифицировались как феодально-патриархальные, поскольку их развитие определялось сплетением феодальных отношений с пережитками. Отмечая ведущую роль феодальных отношений, подчеркивалась подчиненность патриархально-родовых и первобытнообщинных отношений в общественном строе народов Северного Кавказа. Наличие у народов Северного Кавказа значительной категории неокончательно закрепощенного, полусвободного крестьянства представлялось важным фактором недостаточно высокого уровня развития феодализма.

Знаковыми фигурами дискуссий о «кабардинском феодализме» стали Л.И. Лавров и Е.Дж. Налоева. Л.И. Лавров оспорил традиционную точку зрения об отражении социального строя в формах земельной собственности. Ученый отмечал отсутствие определенности «в вопросе о землевладении при феодализме.

Кавказские материалы склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда». Согласно тезису Л.И. Лаврова, у кабардинцев, «обитавших на достаточно обширных степных просторах», не были развиты представления о земельной собственности. «Говоря о повсеместном распространении на средневековом Кавказе земельной собственности (феодальной, общинной и частнокрестьянской), – отмечал Л.И. Лавров, – мы обычно находимся под впечатлением европейского варианта феодализма, породившего представление, будто главное в феодализме – феодальная собственность на землю. Экономическая мощь господствующего класса в Средние века не всегда и не везде базировалась на землевладении. Немалую роль играли военные трофеи, торговые пошлины (в основном на важных путях сообщения и в портовых городах) и особенно дань, которую взимали не только с земледельцев, но и с ремесленников, купцов и других слоев населения [Лавров 1978: 26–27]. Ученый указывал, что «предстоит разобраться, позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента являлась неременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» [Лавров 1978: 28].

Е.Дж. Налоева выступила с резкой критикой концепции Л.И. Лаврова о «безземельном феодализме» [Налоева 1980]. С точки зрения Е.Дж. Налоевой, «существование или отсутствие земельной собственности не столько зависит от уровня развития социальных отношений, сколько сам уровень социальных отношений зависит от наличия или отсутствия земельной собственности». Кабардинский феодализм представлялся Е.Дж. Налоевой завершенным, близким в своих основаниях к классическим формам (хотя и не без «горских» особенностей). Основой феодальных отношений виделась феодальная земельная собственность, обеспечивавшая иерархические связи кабардинской аристократии.

Таким образом, ученый спор Л.И. Лаврова и Е.Дж. Налоевой во многом показателен. С одной стороны, несомненны иерархические связи покровительства-верности, бытовавшие в среде благородных и определявшие характер общественного строя, с другой – очевидны непреодолимые концептуальные сложности оперирования классической концепцией феодализма, с подведением земельной основы под социальные связи. Ранее выхода в свет работы Л.И. Лаврова (1978), ученые-медиевисты в своих трудах уже поднимали дискуссионные вопросы относительно сущности концепции феодализма и ее применимости к конкретной исторической реальности. Такова, к примеру, монография А.Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (1970) [Гуревич 1999]. Ко времени публикации труда самого Л.И. Лаврова, отечественные и зарубежные медиевисты отказались от практики сведения феодальных отношений исключительно к поземельным связям. Дискуссии вокруг положений работы Сьюзан Рейнолдс «Феоды и вассалы» [Reynolds 1994; Гуревич 2006] вообще заставляют сомневаться в дальнейшей необходимости оперировать концептом «феодализм». Сьюзан Рейнолдс «доказала, например, что статус вассала необязательно предполагал обладание феодами, что далеко не все вассалы и даже не

все обладатели феодалов принадлежали к элите общества, что наряду с вассалами в верности сеньору или государю в те времена могли клясться и другие люди, что не все приносимые клятвы были клятвами верности, что феодал порой не так уж сильно отличался от других форм держания, что порой неясно даже его отличие от аллода, что обладание феодалом далеко не всегда было обусловлено несением военной службы в пользу сеньора или автоматически предусматривало юрисдикцию над жителями данной территории...» [Филиппов 2015: 9]. Вместе с тем критик концепции С. Рейнолдс И.С. Филиппов, осуществив подробный анализ содержания работы «Феодалы и вассалы» и отдавая должное отдельным интересным замечаниям С. Рейнолдс, считает несостоятельными ее попытки отрицания правомерности дальнейшего использования концепции феодализма. Так И.С. Филиппов отмечает, что в современном французском научном сообществе «в феодале, как правило, видят институт публичного права, не право собственности на землю, а обусловленное службой право на доход с нее, чаще всего (но необязательно) выраженный в платежах публичного характера». По мнению И.С. Филиппова, при всех недостатках понятия «феодализм», «прежде всего семантических (феодал имеет мало общего с внутренним миром сеньории) и историографических (в том числе сведение его к эксплуатации зависимых крестьян, характерное для большинства советских, ... и современных российских историков), оно все же помогает осмыслить средневековое общество в единстве вассально-ленных и сеньориальных отношений, каковые, впрочем, средневековое общество не исчерпывали». И.С. Филиппов склоняется к мысли о неслучайности совпадения сеньории и феода в эпоху Средневековья. И именно в данную эпоху, по мнению ученого, всевозможные отношения зависимости играли заметно большую роль, нежели когда бы то ни было в истории [Филиппов 2015: 46–47].

Колоссальный труд в исследовании сущностно-стадиальных характеристик традиционного кабардинского общества и его институтов с привлечением практически всей доступной эмпирической базы, с опорой на принцип историзма и весьма диалектичную, комплексную методологию анализа осуществил В.Х. Кажаров. В исследовании адыгской сельской общины В.Х. Кажарова самобытные черты общественного строя адыгов рассматривались как внутренне присущие адыгскому феодальному обществу, но отнюдь не в качестве показателей отсталости [Кажаров 1982: 7–8; Кажаров 1992: 8–10]. Своеобразие адыгского общественного строя, не отвечавшее в полном объеме концептуальным схемам, выработанным на европейском материале, не служило в рамках его интерпретации фактором отрицания определенного уровня сложности изучаемого строя.

В.Х. Кажаров рассматривает вотчину как базовый структурный принцип социальной организации кабардинского общества. И вотчина, согласно концепции ученого, связана с особенностями общественно-политического строя. Это проявлено в феномене власти-собственности, когда политическая власть и земельная собственность соединены. Кабардинский князь в своих владениях не только являлся верховным земельным собственником, но и обладал всей полнотой власти [Кажаров 1994: 178].

В.Х. Кажаров доказывал «предельное» развитие вотчинного структурного принципа в кабардинском обществе. Кабардинский феодализм как социально-экономическая система оценивается как развитой феодализм. Ученый полагал, что вотчинники во время выполнения сельскохозяйственных работ тоже интегрировались в общинную жизнь, выполняя защитные функции. Тем самым они вносили свой вклад в успешное осуществление общего дела. Земля при этом находилась в собственности владельца деревни и деревенских земель – вотчинника. Элемент «самоуправления» общины допускался феодалами-вотчинниками только во время сельскохозяйственных работ. Стабильность производства и регулярность поступления податей напрямую зависели от успешного осуществления полевых работ [Кажаров 1994; Кажаров 1980; Кажаров 1981; Кажаров 1982; Кажаров 1986; Кажаров 1992; Кажаров 2007].

В качестве органичных составных частей адыгского феодального общества В.Х. Кажаров рассмотрел и традиционные институты общественной саморегуляции (гостеприимство, куначество, покровительство, аталычество, кровная месть) [Адыгская... 2006: 154–162]. Несоответствие активного бытования традиционных институтов общественной саморегуляции схеме развитых феодальных отношений не выливались у него в теоретизирования по поводу «пережитков». Напротив, «пережитки» образовывали в его историческом повествовании основу своеобразия системы, которого не могло не быть. Примечательно и непреложное рассмотрение традиционных институтов общественной саморегуляции «в динамике». Первоначальный формат возникновения института, его структурно-функциональная наполненность неизменно подвергались В.Х. Кажаровым переосмыслению, соответственно новым реалиям их функционирования в каждую из рассматриваемых им периодов.

Специфика политогенеза и системы власти

Анализ процессов социальной стратификации в северокавказских обществах под углом зрения их соотношения с процессами политогенеза позволяет прийти к некоторым заключениям. Прежде всего, классогенез здесь вряд ли можно рассматривать в качестве единственного необходимого условия, «базиса» либо причины формирования политической «надстройки». Классогенез и политогенез представляют собой не различные и внешние по отношению друг к другу линии социальной эволюции, а единый процесс становления сложного стратифицированного общества. Далее, характерной чертой социально-экономической и властно-управленческой организации традиционного кабардинского общества являлось сочетание кровнородственных и территориальных принципов. Данное обстоятельство в рамках глобальных концепций общей социальной эволюции дает основание говорить об «отсталости» местных обществ, об их отягощенности «патриархально-родовыми пережитками», т.е. чертами первобытности. Но гораздо важнее принять во внимание высокую функциональность специфических черт социально-политической организации, обеспечивавших на протяжении тысячелетия их «выживание» и адаптацию к неблагоприятным природно-климатическим условиям высокогорья, с одной стороны,

и к динамичной и агрессивной социально-политической среде равнинного Предкавказья – с другой.

Оценка и сопоставление степени значимости факторов политогенеза для кабардинского общества позволяют отметить примат военного фактора. Очевидно, непрерывная внешняя угроза активизировала становление и развитие военно-иерархических систем, ставших основой образования управленческой структуры в обществе и обусловивших заполненность всех ниш социума элементами военной организации. Неслучайно, К.Ф. Дзамихов обращает внимание на проживание адыгов в активной геополитической зоне. «Особенностью государственно-политического устройства этого периода, – отмечает автор, – являлась также совмещенность военной организации и социальной структуры традиционного адыгского общества» [Дзамихов 2008: 442–443]. Самое активное влияние на особенности военно-иерархических структур и системы власти адыгов оказали ираноязычные и тюркоязычные племена, входившие в соприкосновение с автохтонным населением Кавказа на протяжении I тыс. до н.э. – середины II тыс. н.э. Исторический материал показывает, что из отмечаемых политантропологами путей политогенеза военный путь господствовал как в общеисторическом масштабе, так и в масштабах Северного Кавказа [Куббель 1988: 134–135; Гутнов 2000: 10].

В дореволюционной историко-этнографической литературе и в советской историографии общественный строй Кабарды XVI–XVIII вв. интерпретировался с учетом амбивалентной взаимосвязи социально-экономической системы и структур власти и управления. Уровень общественно-политического развития неизменно трактовался в связи с уровнем социально-экономического развития традиционного кабардинского общества XVI–XVIII вв.

Авторы XIX в., писавшие о горцах Северного Кавказа, отождествляли общество и государство. В своих работах они отмечали отсутствие у племен и народов Северного Кавказа правительственных институтов и администрации, создавая впечатление о царящей здесь анархии. Вместе с тем эти же авторы пытались анализировать внутреннее управление изучаемых народов, формы правления в их среде [Боров 2009]. Еще в дореволюционной историографии сформировалась практика использования понятий, относящихся к европейской политической теории, к интерпретации управленческих структур кавказских общностей [Гильденштедт 1809; Броневский 1999]. И по сей день исследователи оперируют понятиями «аристократическое», «республиканско-аристократическое» либо «монархическое» правление применительно к кабардинской политической истории. Употребление подобных дефиниций детерминируется спецификой системы власти и управления традиционного кабардинского общества, выявляемой после соответствующего анализа особенностей управленческой практики исторической Кабарды. Кавказоведы второй половины XIX в. сконцентрировали свое внимание на изучении и сопоставлении феодального строя и родового строя на северокавказском историческом материале [Ковалевский 1883; Ковалевский 1890; Леонтович 2002; Материалы... 1956; Гаврилов 1869]. Интерпретация общественного строя традиционной Кабарды в дореволюционном кавказоведении осуществлялась с разных позиций, не наблюдалось

единства мнений по ключевым вопросам. Н. Дубровин, Ф.И. Леонтович, Е. Максимов и Г. Вертепов склонялись к мысли о господстве патриархально-родовых отношений у кочевого и полукочевого населения Кабарды. Данная группа авторов отрицала наличие в Кабарде политической системы управления и государственности. Советские исследователи (С.И. Месяц, В.П. Пожидаев, А.И. Краснов, И.Ф. Мужев, Т.Д. Боцвадзе), упрекая вышеназванных авторов за их попытку принизить уровень общественного развития кабардинцев сами фактически оказались на критикуемой ими позиции. Напротив, С. Броневский, К. Сталь, М. Ковалевский, Ш. Ногмов и В. Кудашев указывали на наличие в Кабарде некой системы управления и приводили ее характеристики [Налоева 1972: 70].

Одной из ключевых исследовательских проблем советского кабардиноведения стала концепция феодализма и возможности изучения исторических реалий традиционного кабардинского общества с использованием данной концепции. Разворачивались ученые споры относительно наличия либо отсутствия феодализма в дореформенной Кабарде, относительно уровня развития феодализма, относительно особенностей его формирования. Любые обсуждения вопросов социально-экономического и политического Кабарды неизменно сводились к противопоставлению феодальной раздробленности и централизованного государства. Там, где ученые фиксировали высокий уровень развития феодальных отношений с элементами раздробленности, проблематично было усматривать и наличие сильного централизованного государства. Вместе с тем отрицание государственной природы кабардинской политики тоже вызывало много вопросов ввиду достаточно высокой степени сложности ее общественно-политического развития [Гарданов 1967: 178; Кокиев 2005: 424; Смирнов 1948: 27–28; Кумыков 1959: 73; Кумыков 1965: 33; Кушева 1963: 129; Тхамоков 1961: 176; Боцвадзе 1965: 103].

В подобной ситуации новаторский вклад в изучение политического развития Кабарды был сделан Е.Дж. Налоевой. По сути, она развила прогрессивную практику изучения политического устройства Кабарды XVI–XVIII вв. с точки зрения анализа институциональной структуры политической системы. Е.Дж. Налоева осуществила анализ всей системы властных институтов на всех уровнях кабардинского общества. Основное свое внимание она сосредоточила на «уделе» – самостоятельном феодальном владении. Проведенный анализ позволил ей сформулировать вывод о том, что «княжеские уделы Кабарды первой половины XVIII в. носили характер феодальных государств со своей территорией, подвластным населением, определенным числом вассалов, судом, войском и др. атрибутами сеньории» [Налоева 1973: 14–17]. Также Е.Дж. Налоева осуществила анализ функций органов власти Кабарды в целом – хасы, старшего князя и суда (хей). Вместе с тем она отмечала феодальную раздробленность в Кабарде, перманентную борьбу уделов за гегемонию и стремление к объединению уделов.

Определяя общественно-политическое положение княжеской корпорации (монарший род) в Кабарде, В.Х. Кажаров исходил из постижения особенностей отношения субъектов власти (князя) к ее объектам (подвластное население);

формата взаимодействия князей в рамках корпорации (коллегиальность, «справедливый раздел власти и собственности между «братьями-князьями» [Боров и др. 1999: 14]); последствий непрерывного воспроизводства подобного формата взаимодействия (стагнация общественно-политической системы) и т.д.

Свое внимание В.Х. Кажаров сосредоточил на общекабардинских (в рамках Большой Кабарды) институтах власти и управления [Кажаров 1994: 221].

Особый интерес вызывают изыскания ученого, посвященные кабардинской «хасе». В.Х. Кажаров выдвинул тезис о том, что Кабарда это сословно-представительная монархия в форме федеративной княжеской республики [Кажаров 1994: 267]. Согласно заключению В.Х. Кажарова, хаса являлась сословно-представительным собранием, прошедшим эволюцию от стадии двухпалатного собрания до стадии трехпалатного собрания со второй половины XVIII в. Исследователь выделил четыре вида хасы: «1) в уделе, 2) в партии (включавшей два удела), 3) при объединении трех уделов и, наконец, 4) общекабардинскую хасу, вернее, хасу Большой Кабарды» [Кажаров 1994: 205–207, 230].

В.Х. Кажаров обнаруживает возрастающую дезинтеграцию кабардинского общества с середины XVI до первой четверти XIX в., отмечает ослабление хасы и власти верховного князя. В целом социально-экономическое и политическое развитие кабардинцев в XVII–XVIII вв. исследователь определяет как стагнирующее, обусловленное сочетанием достижения пределов своего развития кабардинской вотчиной-общиной, воспроизводства архаического принципа наследования власти по боковой линии и наличия сословно-представительного собрания – атрибута развитого феодализма [Кажаров 1994: 228–230].

Исследователь также сформулировал интересное суждение относительно определения государственно-политического строя Кабарды в качестве республиканского или монархического в зависимости от рассмотрения строя в «горизонтальной» плоскости отношений между князьями или в «вертикальной» плоскости отношений между князьями и их подданными. В.Х. Кажаров полагал, что термины «монархия» и «республика» не исключают друг друга, поскольку первый относится к сущности политической организации Кабарды, а второй – к ее форме.

Среди исследователей истории Кабарды нет единства в определении того, что собой представляла хаса. Часть исследователей считают хасу в своей архаической основе народным собранием [Ногмов 1994: 73–74; Тхамоков 1961: 182; Кушева 1963: 120], другие усматривают в хасе сословно-аристократическое собрание [Налоева 1972: 79, 86], третьи доказывают, что хаса являлась сословно-представительным собранием [Кажаров 1994: 267].

Сущности хасы, на наш взгляд, не отвечает ни одно из приведенных обозначений. Хаса всей Кабарды, как и хаса нескольких уделов, представляли собой объединенное собрание княжеских съездов-советов и дворянских советов при князьях-сеньорах. Полицентрическая политическая система, воспроизводящая себя неизменно и являющаяся производной лестничного принципа наследования власти, обусловила тенденцию усиления совещательности в ущерб потенциям единоначалия. И хаса в подобной ситуации являла собой институт, обеспечивавший осуществление власти княжеского рода. С другой сто-

роны, феодальный контекст, наличие сеньориально-вассальных связей и обязательств предопределили участие в совещательном управленческом институте дворян – княжеских вассалов, реализовывающих свою обязанность и одновременно право – помощь сеньору советом. Основные черты данного института детерминировались корпоративными связями в княжеской и дворянской группах и отношениями господства и подчинения между пши и уорками. Природа становления и развития хасы заключала в себе противоречащие друг другу центростремительные и центробежные потенции, являвшиеся вместе с тем фактором устойчивости и неизменного самовоспроизводства системы власти и управления в Кабарде. Представляется, что хаса стала средоточием политической интеграции традиционного кабардинского общества.

Дальнейшее изучение и решение проблем общественно-политического развития Кабарды XVI–XVIII в. связано с научными трудностями эмпирического, концептуального и методологического характера.

Трудности эмпирического плана связаны с состоянием источниковой базы. Исследователи сталкиваются с проблемой отсутствия свидетельств, позволяющих изучить те или иные аспекты изучаемой темы. Так ранние этапы политогенеза у кабардинцев практически не отражены в имеющихся источниках. Но и даже тогда, когда ученые располагают письменными свидетельствами истории вызывающих интерес эпох, информация из источников может быть интерпретирована с весьма разных точек зрения. Известие из источника само по себе не гарантирует получение однозначных ответов на поставленные вопросы. Это усиливает ценность ретроспективного анализа, который накладывает на эмпирический материал ту или иную концептуальную схему.

Научные трудности концептуального плана можно проиллюстрировать несколькими примерами.

Во-первых, следует отметить определенное напряжение между характеристикой сословного статуса кабардинского князя и характеристикой его монархического статуса. Этот нюанс до сих пор не подвергся специальному анализу.

Во-вторых, тезис о типологическом сходстве кабардинской хасы с западноевропейскими сословно-представительными собраниями не доказан аналитически. Становление сословно-представительных собраний исторически было связано с процессом формирования централизованных государств. Вызывают вопросы возможности увязывания с теорией сословно-представительных собраний специфичность существования нескольких видов кабардинской хасы, участия князей на заседаниях хасы как отдельной палаты и пр. Требуется как-то согласовать составляющие тезиса о том, что Кабарда в целом и отдельные уделы представляли собой сословно-представительные монархии, и вместе с тем в сословно-представительных собраниях князя образовывали «палату монархов».

В-третьих, не вполне понятен переход от «удельного» на «общекабардинский» уровень анализа политической организации традиционного кабардинского общества. Обычно декларируется совпадение или подобие политического строя на удельном и общекабардинском уровнях. А при построении обобщений относительно политической организации Кабарды зачастую игнорируется фактическое отсутствие общей системы властных институтов Большой и Малой Кабарды.

В методологическом плане примечательна неизменная привязка к концепции феодализма всей традиции изучения общественно-политического развития Кабарды XVI–XVIII вв. Следование данной исследовательской стратегии в свое время дало ценные научные результаты [Гутнов 2008: 110–134]. Вместе с тем на сегодняшний день концепция феодализма претерпевает кризис, показателем которого является отсутствие единогласия в среде медиевистов по ключевым аспектам концепции [Одиссей... 2006; Мининкова 2007; Cheyette 1996; Nyams 1997].

Нерешенной задачей остается потестарно-политическая идентификация Кабарды XVI–XVIII вв. с точки зрения организационно-управленческих форм институционализации власти. В политической антропологии в качестве таковых рассматриваются племя, вождество и раннее государство. Здесь важно учитывать, что эти формы в современной науке трактуются в качестве не столько последовательных стадий, сколько альтернативных форм социально-политической интеграции.

Трудно интерпретировать последствия углубления феодальной раздробленности в Кабарде с середины XVII в. Удельные княжества Кабарды XVII–XVIII вв. представляли собой нечто промежуточное между вождеством и ранним государством. Вместе с тем приведенные характеристики иллюстрируют не стадийный, а типологический вариант социально-политической интеграции традиционного кабардинского общества.

Определение уровня общественно-политического развития Кабарды XVI–XVIII вв. связано и с вопросом о ее статусе во взаимодействии с кавказскими субэтносами. В части концепций по данному вопросу провозглашается тезис об установлении иерархических связей между Кабардой и соседними горскими обществами. И с точки зрения авторов (В.Х. Кажаров, З.А. Кожев, Т.Х. Алоев, Б.Х. Бгажноков и др.) подобных концепций, эти неравноправные отношения часто навязывались кабардинской аристократией соседним народам и их отдельным представителям. Авторы второй группы концепций доказывают взаимовыгодный и отчасти равноправный характер взаимодействий горских обществ и Кабарды. Хотя и не отрицаются попытки со стороны кабардинских князей расширить пределы своего влияния и властного регулирования в рамках подобных союзов (М.И. Баразбиев, Р.М. Бегеулов, Р.С. Тебуев и Р.Т. Хатуев и др.). В работах А.Х. Борова, К.Ф. Дзамихова и Е.Г. Муратовой формулируется положение о сохранении в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе «автохтонной» система этнополитического равновесия [Боров, Дзамихов 1998: 142; Муратова 2007: 151]. Представляется, что данный тезис лучше всего учитывает всю многосложность и амбивалентность взаимоотношений населения равнинных и горных территорий Центрального Кавказа.

Современные исследования общественно-политического строя традиционного кабардинского общества характеризуются следованием различающимся тенденциям. С одной стороны, анализируются проблемы международно-правового статуса Кабарды [Алоев 2005: 214]; формы институционализации власти сквозь призму представлений современной государственно-правовой теории о суверенитете, системе ветвей власти и пр. [Калмыков 2007: 19–20]. Очевидно, подобные тенденции отчасти расходятся с принципом историзма и

заклучают в себе опасность чрезмерной модернизации анализируемых явлений и процессов. Неслучайно, многие современные медиевисты считают использование слова «государство» неприменимым к большей части средневековья, поскольку понятию «государство» зачастую приписываются признаки именно современного государства [Reynolds 1997: 117; Davies 2003; Reynolds 2003].

С другой стороны, получают развитие плодотворные традиции историографии ранних форм государственности, связанные с исследованием проблем феодализма в Западной Европе. В мировой и российской науке за последние сорок лет оформилось отдельное направление исследований проблем политогенеза и ранней государственности в рамках такой дисциплины, как политическая антропология [Claessen 2008]. Внимание историков республики привлекают исследовательские возможности, предоставляемые политической антропологией, ставшей центром изучения механизмов социального контроля и феномена власти большей частью в традиционных обществах. Однако в исторической и историко-этнографической литературе по проблемам исторической политологии Кабардино-Балкарии указанный подход пока не нашел широкого применения. Осуществляются попытки переосмысления возможностей исследования кабардинской политики [Боров, Азикова 2008]. С опорой на теоретико-методологический инструментарий политической антропологии исследуются структурно-функциональные особенности системы власти традиционного кабардинского общества [Азикова 2011; Рахаев 2019]. Данные попытки являются всего лишь прологом к углубленному, всеохватному исследованию исторической политологии Кабарды. Между тем именно в рамках современных политантропологических концепций дается оценка уровня развития рассматриваемых традиционных и архаичных общностей в процессе исследования степени сложности идеологической, экономической, социальной, демографической, территориальной составляющих. При этом важно отметить, что оценка уровня сложности общества не обязательно выливается в рассуждения о государственно-политическом строе, а зачастую связана с заключениями по поводу аналогов либо альтернатив государства со специфическим хозяйственно-экономическим и общественным развитием.

Заключение

Характерная для обобщающих трудов по истории традиционного кабардинского общества организация исторического материала отмечена определенной двойственностью. С одной стороны, заложенная в них периодизация в значительной степени привязана к изменениям в статусе Кабарды во взаимодействии с региональными державами и к процессу перегруппировки сил внутри Кабарды. С другой стороны, предпринимаются попытки дать системное представление исторического процесса в пределах всего периода XVI–XVIII вв. в его этнических, политических, социально-экономических и культурно-идеологических измерениях. По большинству из указанных аспектов на протяжении длительного исторического времени, охватывающему ряд периодов, не прослеживается «прогрессивная» историческая динамика, ведущая к качественным переменам стадийного порядка. Данное наблюдение справедливо в целом для характеристики общественной организации традиционного кабар-

динского общества XVI–XVIII вв. Вместе с тем для отдельных исследований характерна попытка рассмотрения традиционных институтов общественной саморегуляции «в динамике».

Особенностью трактовок общественной организации Кабарды XVI–XVIII вв. в отечественной дореволюционной и советской историографии является тесная и в то же время амбивалентная взаимосвязь социально-экономической системы и структур власти и управления. В целом советская историография с неизбежностью сводила анализ социальной организации кабардинцев к проблематике «особенностей» и «уровня» развития феодализма. Применительно к развитию Кабарды в XVIII в. признавался достаточно высокий уровень развития феодальных отношений и отмечалось действие института власти-собственности. Но в дискуссиях о «безземельном феодализме» в целом и о «кабардинском феодализме» в частности не поставлена точка и по сей день.

Нерешенной задачей остается потестарно-политическая идентификация Кабарды XVI–XVIII вв. с точки зрения организационно-управленческих форм институционализации власти. Советские исследователи неизбежно замыкались в рамках дихотомии «феодальная раздробленность/централизованное государство». С периода целенаправленного исследования институтов, образывавших систему власти, началось признание государственной природы кабардинской политики XVI–XVIII вв. Применительно к кабардинской политической истории характерно использование понятий «аристократическое», «республиканско-аристократическое» либо «монархическое» правление. С другой стороны, получают развитие некоторые плодотворные традиции отечественной и зарубежной историографии ранних форм государственности и институциональных альтернатив и аналогов государству. Однако в исследованиях по проблемам исторической политологии Кабарды и Балкарии указанный подход не нашел широкого применения. Вместе с тем представляется, что удачные трактовки общественной организации традиционного кабардинского общества и формы институционализации власти связаны именно с современными политантропологическими концепциями, в рамках которых дается оценка уровня развития рассматриваемых традиционных и архаичных общностей в процессе исследования степени сложности идеологической, экономической, социальной, демографической, территориальной составляющих. И ожидаемые выводы могут отвечать широкому спектру представлений о формах институционализации власти от государства до его альтернатив и аналогов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыгская... 2006 – *Адыгская* (Черкесская) энциклопедия / Гл. ред. профессор М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.
- Азикова 2011 – *Азикова Ю.М.* Система власти в традиционном кабардинском обществе (XVI–XVIII вв.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Нальчик, 2011. – 24 с.
- Алоев 2005 – *Алоев Т.Х.* К вопросу о международно-правовом статусе Кабарды в начале XVIII в. // *Исторический вестник*. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. I. – С. 214–225.
- Бесланев 1993 – *Бесланев В.С.* Малая Кабарда. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 232 с.

Боров 2009 – *Боров А.Х.* Общество и власть на Северном Кавказе: основные подходы и концепции в российском кавказоведении XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – 12 (2). – С. 9–17.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.

Боров, Азикова 2008 – *Боров А.Х., Азикова Ю.М.* Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – Вып. VII. – С. 3–41.

Боров, Дзамихов 1998 – *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.* Россия и Северный Кавказ: этапы взаимоотношений // Известия КБНЦ РАН. – 1998. – № 1. – С. 142–150.

Боцвадзе 1965 – *Боцвадзе Т.Д.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. – Тбилиси: Мецниереба, 1965. – 124 с.

Броневский 1999 – *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 223 с.

Гаврилов 1869 – *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. – Вып. 2. – С. 1–78.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). – М.: Наука, 1967. – 331 с.

Гильденштедт 1809 – *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. Издано по повелению Императорской академии наук. – СПб.: при Императорской академии наук, 1809. – 394 с.

Гугов 1999 – *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 683 с.

Гуревич 1999 – *Гуревич А.Я.* Начало феодализма в Европе // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М-СПб ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999. Печатается по изд.: Гуревич А.Я. «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе». М., 1970 // Электронная библиотека Гумер: сайт. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gur/index.php (дата обращения: 10.11.2021).

Гуревич 2006 – *Гуревич А.Я.* Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории: ежегодник. 2006: Феодализм перед судом историков / Гл. ред. А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 2006. – С. 11–49.

Гутнов 2000 – *Гутнов Ф.Х.* Политогенез и генезис феодализма на Северном Кавказе // Вестник института цивилизации. – Владикавказ: Изд-во ВИЦ, 2000. – Вып. 3. – С. 7–57.

Гутнов 2008 – *Гутнов Ф.Х.* Горский феодализм. – Владикавказ: Ир, 2008. Ч. 2. – 287 с.

Дзамихов 2008 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа (исследования и материалы) // Дзамихов К.Ф. Адыги: веги истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 437–668.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 261 с.

История КБ АССР... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР*: в 2-х т. – М.: Наука, 1967. Т. 1. – 482 с.

История народов... 1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* – М.: Наука, 1988. – 541 с.

Кабардино-русские... 1957 – *Кабардино-русские* отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: в 2 т. Т. 2: XVIII в. / Сост. В. М. Букалова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 424 с.

Кабардино-русские... 2007 – *Кабардино-русские* отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2-х т. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – Т. 2. – 622 с.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с.

Кажаров 1980 – *Кажаров В.Х.* О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине (первая половина XIX в.) // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Редкол.: Р.Х. Гугов, В.Н. Сокуров. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – С. 28–53.

Кажаров 1981 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании адыгов в первой половине XIX века // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1981. – С. 65–80.

Кажаров 1982 – *Кажаров В.Х.* Сельская община у адыгов в первой половине XIX века (поземельные отношения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1982. – 22 с.

Кажаров 1986 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о дуализме кабардинской сельской общины в предреформенный период // Общественный быт адыгов и балкарцев. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1986. – С. 22–45.

Кажаров 1992 – *Кажаров В.Х.* Основная социальная единица адыгского общества в XVIII – первой половине XIX века // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года Госкомиздата КБССР, 1992. – С. 7–51.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. – 434 с.

Кажаров 2007 – *Кажаров В.Х.* Кабардинская вотчина-община времен русского завоевания Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 347–369.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / сост. А.Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – С. 570–589.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Ковалевский 1883 – *Ковалевский М.М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. – 1883. – Кн. XII. – С. 137–154.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. I. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890. – 303 с.

Кожев 1998 – *Кожев З.А.* Динамика численности населения Кабарды (XVIII – первая четверть XIX в.) // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 2. – С. 116–126.

Кокиев 2005 – *Кокиев Г.А.* История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 903 с.

Куббель 1988 – *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 270 с.

Кумыков 1959 – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869 гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. книжное изд-во, 1959. – 171 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.-Балк. книжное изд-во, 1965. – 420 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII века). – Нальчик: Изд-во АН СССР, 1963. – 371 с.

Лавров 1978 – *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л.: Наука, 1978. – 183 с.

Леонтович 2002 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа: в 2-х выпусках. Вып. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 344 с.

Материалы... 1956 – *Материалы по обычному праву кабардинцев.* Первая половина XIX в. / Под ред., сост. Б.А. Гарданова. – Нальчик: Каб. кн. изд. 1956. – 426 с.

Мининкова 2007 – *Мининкова Л.В.* Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. – Ростов н/Д.: Издательство СКНЦ ВШ, 2007. – 520 с.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – нач. XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 419 с.

Налоева 1972 – *Налоева Е.Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник КБНИИ. – 1972. – Вып. 6. – С. 69–87.

Налоева 1973 – *Налоева Е.Дж.* Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1973. – 21 с.

Налоева 1980 – *Налоева Е.Дж.* Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии / Редкол.: Р.Х. Гугов, В.Н. Сокуров. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – С. 5–27.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Одиссей... 2006 – *Одиссей.* Человек в истории: ежегодник. 2006: Феодализм перед судом историков / Гл. ред. А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 2006. – С. 171–183.

Рахаев 2019 – *Рахаев Д.Я.* Эволюционная теория в историческом адыговедении: современное состояние и проблемы изучения // Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 23–29.

Смирнов 1948 – *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. – Нальчик: Каб. Гос. Изд., 1948. – 120 с.

Тхамоков 1961 – *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. – Нальчик: КБ кн. изд-во, 1961. – 203 с.

Филиппов 2015 – *Филиппов И.С.* Размышления о книге Сюзан Рейнольдс «Феоды и вассалы» и ее восприятию в современной медиевистике // Средние века. – 2015. – Вып. 76 (34). – С. 8–56.

Cheyette 1996 – *Cheyette F.* Susan Reynolds, Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. New York and Oxford: Oxford University Press, 1994. Pp. xi, 544. 1996 // Fordham university: website. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/source/reynolds-2%20reviews.html> (access date: 29.05. 2022).

Claessen 2008 – *Claessen H.J.M.* Before the Early State and After: An Introduction // Social evolution and history. Thirty years of Early State research. Special issue / ed. by H.J.M. Claessen, R. Hagesteijn, P. van de Velde. – 2008. – Vol. 7. – No 1. – P. 4–18.

Davies 2003 – *Davies R.* The Medieval State: The Tyranny of a Concept? // Journal of Historical Sociology. – June 2003. – Vol. 16. – No. 2. – P. 280–300.

Hyams 1997 – *Hyams P.R.* Susan Reynolds, Fiefs & Vassals: the Medieval Evidence Reinterpreted (New York: Oxford University Press, 1994). Pp. xi + 544. 1997 // Fordham university: website. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/source/reynolds-2%20reviews.html> (access date: 29.05. 2022).

Reynolds 1994 – *Reynolds S.* Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 544.

Reynolds 1997 – *Reynolds S.* The Historiography of the Medieval State // M. Bentley (ed.), Companion to Historiography. – L.; N.Y.: Routledge, 1997. – P. 117–138.

Reynolds 2003 – *Reynolds S.* There were States in Medieval Europe: A Response to Rees Davies // Journal of Historical Sociology. – December 2003. – Vol. 16. – No. 4. – P. 550–555.

REFERENCES

- Adygskaya (Cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia] / *Gl. red. professor M.A. Kumakhov*. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russ.).
- ALOEV T.Kh. *K voprosu o mezhdunarodno-pravovom statuse Kabardy v nachale XVIII v.* [On the issue of the international legal status of Kabarda at the beginning of the 18th century]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – Nalchik: El'-Fa, 2005. Iss. I. – P. 214–225. (In Russ.).
- AZIKOVA Yu.M. *Sistema vlasti v traditsionnom kabardinskom obshchestve (XVI–XVIII vv.): avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk* [The system of power in the traditional Kabardian society (XVI–XVIII centuries): abstract of the dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2011. – 24 p. (In Russ.).
- BESLANEEV V.S. *Malaya Kabarda* [Little Kabarda]. – Nalchik: El'brus, 1995. – 232 p. (In Russ.).
- BOROV A.Kh. *Obshchestvo i vlast' na Severnom Kavkaze: osnovnye podkhody i kontseptsii v rossiiskom kavkazovedenii XIX veka* [Society and Power in the North Caucasus: Main Approaches and Concepts in Russian Caucasian Studies of the 19th Century]. IN: *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. – 2009. – 12 (2). – P. 9–17. (In Russ.).
- BOROV A.Kh., AZIKOVA Yu.M. *Kontseptsiya rannego gosudarstva v sovremennoi politicheskoi antropologii* [The concept of the early state in modern political anthropology]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – Iss. VII. – P. 3–41. (In Russ.).
- BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problem* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, ways of formation, problems]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 184 p. (In Russ.).
- BOROV A.Kh., DZAMIKHOV K.F. *Rossiya i Severnyi Kavkaz: etapy vzaimootnosheniya* [Russia and the North Caucasus: stages of relations]. IN: *Izvestiya KBNTs RAN*. – 1998. – No. 1. – P. 142–150. (In Russ.).
- BOTSVADZE T.D. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya v Kabarde v pervoi polovine XIX veka* [Socio-economic relations in Kabarda in the first half of the 19th century]. – Tbilisi: Metsniereba, 1965. – 124 p. (In Russ.).
- BRONEVSKY S. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest geographic and historical information about the Caucasus]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 223 p. (In Russ.).
- CHEYETTE F. *Susan Reynolds, Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1994. Pp. xi, 544. 1996. IN: Fordham university: website. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/source/reynolds-2%20reviews.html> (access date: 29.05. 2022). (In Eng.).
- CLAESSEN H.J.M. *Before the Early State and After: An Introduction*. IN: *Social evolution and history. Thirty years of Early State research. Special issue / ed. by H.J.M. Claessen, R. Hagesteijn, P. van de Velde*. – 2008. – Vol. 7. – No 1. – P. 4–18. (In Eng.).
- DAVIES R. *The Medieval State: The Tyranny of a Concept?* IN: *Journal of Historical Sociology*. – June 2003. – Vol. 16. – No. 2. – P. 280–300. (In Eng.).
- DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata: pervaya polovina XIX v.* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat: the first half of the 19th century]. – Nalchik: El'brus, 1990. – 261 p. (In Russ.).
- DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza (issledovaniya i materialy)* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus (research and materials)]. IN: DZAMIKHOV K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adygs: milestones of history]. – Nalchik: El'brus, 2008. – P. 437–668. (In Russ.).
- FILIPPOV I.S. *Razmyshleniya o knige Syuzan Reinol'ds «Feody i vassaly» i ee vospriyatii v sovremennoi medievistike* [Reflections on Susan Reynolds' book "Fiefs and Vassals" and its perception in modern medieval studies]. IN: *Srednie veka*. – 2015. – Iss. 76 (34). – P. 8–56. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskich narodov (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [The social system of the Adyghe peoples (XVIII – the first half of the XIX century)]. – M.: Nauka, 1967. – 331 p. (In Russ.).

GAVRILOV P.A. *Ustroistvo pozemel'nogo byta gorskich plemen Severnogo Kavkaza* [Land life of the mountain tribes of the North Caucasus]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (SSKG)* [Collection of information about the Caucasian mountaineers]. – Tiflis: Tipografiya Glavnago Upravleniya Namestnika Kavkazskago, 1869. – Iss. 2. – S. 1–78. (In Russ.).

GUGOV R.Kh. *Kabarda i Balkariya v XVIII veke i ikh vzaimootnosheniya s Rossiei* [Kabarda and Balkaria in the 18th century and their relationship with Russia]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 683 p. (In Russ.).

GÜLDENSTÄDT J.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza iz puteshestviya g-na Akademika I.A. Gil'denshtedta cherez Rossiyu i po Kavkazskim goram v 1770, 71, 72 i 73 godakh. Izdano po povelenu Imperatorskoi akademii nauk* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus from the travel of Mr. Academician J.A. Gildenstedt through Russia and the Caucasus Mountains in 1770, 71, 72 and 73. Published by order of the Imperial Academy of Sciences]. – SPb.: pri Imperatorskoi akademii nauk, 1809. – 394 p. (In Russ.).

GUREVICH A.Ya. *Feodalizm pered sudom istorikov, ili o srednevekovoi krest'yanskoi tsivilizatsii* [Feudalism before the court of historians, or about medieval peasant civilization]. IN: *Odissei. Chelovek v istorii: ezhegodnik. 2006: Feodalizm pered sudom istorikov / Gl. red. A.Ya. Gurevich* [Odysseus. A Man in History: An Yearbook. 2006: Feudalism before the Court of Historians / Ch. ed. A.Ya. Gurevich]. – M.: Nauka, 2006. – P. 11–49. (In Russ.).

GUREVICH A.Ya. *Nachalo feodalizma v Evrope* [Beginning of feudalism in Europe]. IN: *Elektronnaya biblioteka Gumer: sait* [Electronic library Gumer: website]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gur/index.php (access date: 10.11.2021). (In Russ.).

GUTNOV F.Kh. *Gorskii feodalizm* [Mountain feudalism]. – Vladikavkaz: Ir, 2008. – Part 2. – 287 p. (In Russ.).

GUTNOV F.Kh. *Politogenez i genezis feodalizma na Severnom Kavkaze* [Politogenesis and genesis of feudalism in the North Caucasus]. IN: *Vestnik instituta tsivilizatsii*. – Vladikavkaz: Izd-vo VITs, 2000. – Iss. 3. – P. 7–57. (In Russ.).

HYAMS P.R. Susan Reynolds, *Fiefs & Vassals: the Medieval Evidence Reinterpreted* (New York: Oxford University Press, 1994). Pp. xi + 544. 1997. IN: Fordham university: website. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/source/reynolds-2%20reviews.html> (access date: 29.05. 2022). (In Eng.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR: v 2-kh t. [History of the Kabardino-Balkarian ASSR: in 2 volumes]. – M.: Nauka, 1967. – Vol. 1. – 482 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. – M.: Nauka, 1988. – 541 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy: v 2-kh t. [Kabardino-Russian Relations in the 16th–18th Centuries. Documents and materials: in 2 volumes]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – Vol. 2. – 622 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy: v 2 t. T. 2: XVIII v. / Sost. V. M. Bukalova [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries: Documents and materials: in 2 vols. Vol. 2: 18th century / Comp. by V. M. Bukalova]. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. – 424 p. (In Russ.).

KABUZAN V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh. Etnostatisticheskoe issledovanie* [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries. Ethnostatistical study]. – SPb.: Izdatel'stvo «Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs», 1996. – 224 p. (In Russ.).

KALMYKOV Zh.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian system of government (second half of the 18th – early 20th centuries)]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o dualizme kabardinskoi sel'skoi obshchiny v predreformennyi period* [To the question of the dualism of the Kabardian rural community in the pre-reform period]. IN: *Obshchestvennyi byt adygov i balkartsev* [Public life of the Circassians and Balkars]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 1986. – P. 22–45. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o feodal'nykh privilegiyakh v obshchinnom zemlepol'zovanii adygov v pervoi polovine XIX veka* [On the issue of feudal privileges in the communal land use of the Adygs in the first half of the 19th century]. IN: *Voprosy etnografii i etnosotsiologii Kabardino-Balkarii* [Questions of ethnography and ethnosociology of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik, 1981. – P. 65–80. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o territorii feodal'noi Kabardy* [On the issue of the territory of feudal Kabarda]. IN: KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov / sost. A.Kh. Abazov* [Selected works on the history and ethnography of the Adygs / comp. by A.H. Abazov]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – P. 570–589. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Kabardinskaya votchina-obshchina vremen russkogo zavoevaniya Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Kabardian fiefdom-community of the times of the Russian conquest of the North-Western Caucasus]. IN: *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* [North Caucasus as part of the Russian Empire]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – P. 347–369. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *O sisteme regulirovaniya zemlepol'zovaniya v kabardinskoi sel'skoi obshchine (pervaya polovina XIX v.)* [On the system of land use regulation in the Kabardian rural community (the first half of the 19th century)]. IN: *Iz istorii feodal'noi Kabardy i Balkarii / Redkol.: R.Kh. Gugov, V.N. Sokurov* [From the history of feudal Kabarda and Balkaria. Editorial board: R.Kh. Gugov, V.N. Sokurov]. – Nalchik: El'brus, 1980. – P. 28–53. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Osnovnaya sotsial'naya edinitsa adygskogo obshchestva v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The main social unit of the Adyghe society in the XVIII – the first half of the XIX century]. IN: *Aktual'nye problemy feodal'noi Kabardy i Balkarii* [Actual problems of feudal Kabarda and Balkaria]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 goda Goskomizdata KBSSR, 1992. – P. 7–51. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Sel'skaya obshchina u adygov v pervoi polovine XIX veka (pozemel'nye otnosheniya): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Rural community among the Circassians in the first half of the 19th century (land relations): abstract of the dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – M., 1982. – 22 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1994. – 434 p. (In Russ.).

KOKIEV G.A. *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkhografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetova* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – 903 p. (In Russ.).

KOVALEVSKY M.M. *Pozemel'nye i soslovnye otnosheniya u gortsev Severnogo Kavkaza* [Land and estate relations among the mountaineers of the North Caucasus]. IN: *Russkaya mysl'*. – 1883. – Book XII. – P. 137–154. (In Russ.).

KOVALEVSKY M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze. T. I* [Law and custom in the Caucasus. Vol. I]. – M.: Tip. A.I. Mamontova, 1890. – 303 p. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Dinamika chislennosti naseleniya Kabardy (XVIII – pervaya chetvert' XIX v.)* [Dynamics of the population of Kabarda (XVIII – first quarter of the XIX century)]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 1998. – No. 2. – P. 116–126. (In Russ.).

KUBBEL L.E. *Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii* [Essays on Potestary-Political Ethnography]. – M.: Nauka, 1988. – 270 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: Kab.-Balk. knizhnoe izd-vo, 1965. – 420 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.Kh. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnoshenie i otmena krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869 gg.)* [Socio-economic Relations and the Abolition of Serfdom in Kabarda and Balkaria (1800–1869)]. – Nalchik: Kab.-Balk. knizhnoe izd-vo, 1959. – 171 p. (In Russ.).

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gg. XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia (the second half of the 16th – 30s of the 17th century)]. – Nalchik: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 371 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus]. – L.: Nauka, 1978. – 183 p. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza: v 2-kh vypuskakh. Vyp. 1* [Adats of the Caucasian highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus: in 2 issues. Iss. I]. – Nalchik: El'-Fa, 2002. – 344 p. (In Russ.).

Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v. / Pod red., sost. B.A. Gardanova [Materials on customary law of Kabardians. First half of the 19th century / Ed. by B.A. Gardanov]. – Nalchik: Kab. kn. izd. 1956. – 426 p. (In Russ.).

MININKOVA L.V. *Syuzerenitet-vassalitet v domongol'skoi Rusi* [Suzerainty-vassalage in pre-Mongol Rus]. – Rostov n/D.: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2007. – 520 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nach. XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria in the 17th – early 20th century]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 419 p. (In Russ.).

NALOEVA E.Dzh. *Gosudarstvenno-politicheskii stroi i mezhdunarodnoe polozhenie Kabardy v pervoi poloviny XVIII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The State-Political System and the International Position of Kabarda in the First Half of the 18th Century: abstract of the dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 1973. – 21 p. (In Russ.).

NALOEVA E.Dzh. *K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom stroe Kabardy pervoi poloviny XVIII veka* [To the question of the state-political system of Kabarda in the first half of the 18th century]. IN: *Vestnik KBNII*. – 1972. – Iss. 6. – P. 69–87. (In Russ.).

NALOEVA E.Dzh. *Ob osobennostyakh kabardinskogo feodalizma* [On the features of Kabardian feudalism]. IN: *Iz istorii feodal'noi Kabardy i Balkarii / Redkol.: R.Kh. Gugov, V.N. Sokurov* [From the history of feudal Kabarda and Balkaria / Ed. by R.Kh. Gugov, V.N. Sokurov]. – Nalchik: El'brus, 1980. – P. 5–27. (In Russ.).

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [History of the Adyghe people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 232 p. (In Russ.).

Odissei. Chelovek v istorii: ezhegodnik. 2006: Feodalizm pered sudom istorikov / Gl. red. A.Ya. Gurevich [Odysseus. A Man in History: An Yearbook. 2006: Feudalism before the Court of Historians / Ch. ed. A.Ya. Gurevich]. – M.: Nauka, 2006. – P. 171–183. (In Russ.).

RAKHAEV D.Ya. *Evolyutsionnaya teoriya v istoricheskom adygovedenii: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya* [Evolutionary theory in historical Adyghe studies: current state and problems of study]. IN: *Narody Kavkaza v tsivilizatsionnom prostranstve Rossii: materialy VI Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Rostov-na-Donu, 13–15 noyabrya 2019 g.) / otv. red. akad. G.G. Matishov* [The peoples of the Caucasus in the civilizational space of Russia: materials of the VI International Forum of Caucasian Historians (Rostov-on-Don, November 13–15, 2019) / Ed. by acad. G.G. Matishov]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN, 2019. P. 23–29. (In Russ.).

REYNOLDS S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 544. (In Eng.).

REYNOLDS S. *The Historiography of the Medieval State*. IN: M. Bentley (ed.), *Companion to Historiography*. – L.; N.Y.: Routledge, 1997. – P. 117–138. (In Eng.).

REYNOLDS S. There were States in Medieval Europe: A Response to Rees Davies. IN: Journal of Historical Sociology. – December 2003. – Vol. 16. – No. 4. – P. 550–555. (In Eng.).

SMIRNOV N.A. *Kabardinskii vopros v russko-turetskikh otnosheniyakh XVI–XVIII vv.* [The Kabardian issue in Russian-Turkish relations in the 16th–18th centuries.]. – Nalchik: Kab. Gos. Izd., 1948. – 120 p. (In Russ.).

ТКНАМОКОВ N.Kh. *Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi kabardintsev v XVIII v.* [Socio-economic and political structure of the Kabardians in the 18th century]. – Nalchik: KB kn. izd-vo, 1961. – 203 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.М. Азикова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Yu.M. Azikova – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 28.07.2022 г.; принята к публикации 15.09.2022 г.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 15.09.2022.